

Михаил Ежов

МЕТАМОРФОЗА

историко-приключенческий роман

Михаил Ежов

**Метаморфоза. Историко-
приключенческий роман**

«Издательские решения»

Ежов М. В.

Метаморфоза. Историко-приключенческий роман / М. В. Ежов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835676-6

Русь и Византия, прошлое и настоящее — все связано в единую цепь событий для которых понятие времени утратило свое привычное нам значение. Золото Руси и его предназначение, как вечная борьба низменного с великим, свободы воли и однозначности выбора и все это ради одной цели — могущества Руси и сохранения Веры.

ISBN 978-5-44-835676-6

© Ежов М. В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Все уже было	8
Глава 2. В гостях	10
Глава 3. Домой	13
Глава 4. Осознание	16
Глава 5. Возвращение в Херсонес	19
Глава 6. Неожиданная встреча	20
Глава 6. Стратиг Херсонеса	22
Глава 7. Лицом к лицу	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Метаморфоза

Историко-приключенческий роман

Михаил Валентинович Ежов

© Михаил Валентинович Ежов, 2016

ISBN 978-5-4483-5676-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я думал, что уже никогда русичи не встанут друг против друга, а брат не сможет поднять руку на своего брата. Ибо слишком много русской крови пролито за эти века, оплаченной чужим золотом и ради чужих интересов. Вы же все должны были это помнить! Но видимо я ошибался. И судя по тому, что происходит на нашей Земле сегодня это – не так. А память наша коротка. И потому я снова здесь, среди вас.

Волк.

Пролог

Белые, уже кое – где затертые полосы дорожной разметки, летели под колеса его машины. Серого цвета кроссовер, почти сливался с таким же асфальтовым дорожным покрытием, и если бы не его горящие габаритные огни, был бы совсем незаметен на широкой трассе, блескшей в лучах заходящего сентябрьского солнца, полосами оцинкованных отбойников, установленных не так давно, после очередного ремонта и разорвавшие ее на две равные части разнонаправленных потоков движения.

Город еще какое-то время напоминал о себе своим отражением в зеркалах заднего вида, плотностью потока машин и навязчивым гомоном, прорывающимся сквозь наполовину приоткрытое окно в салон автомобиля. Еще через несколько минут, некрутой поворот, подъем, спуск и он совсем исчез из вида, а шум его стал не слышен.

С разных сторон замелькали поля и коттеджные поселки. Водитель нажал на кнопку стеклоподъемника. Стекло с легким шорохом плавно скользнуло вверх. В салоне автомобиля стало неестественно тихо. Индикатор уровня топлива упрямо стремился вниз, всем своим видом давая понять, что выезжать с таким запасом бензина за город не рекомендуется.

Вняв его немым уговорам, он послушно сбросил скорость и легким поворотом руля, направил свою изголодавшуюся машину, в сторону появившейся справа от него разделительной полосы и въехал на АЗС.

Последние три года его жизни, наполненные чередой самых невероятных, событий научили внимательно прислушиваться к собственным чувствам – «слушать себя». Вот и сейчас, что-то было не так, как обычно. Остановившись у колонки, заглушил двигатель, дернул рычаг, открыв лючок топливного бака, вышел из машины платить за бензин.

Ценник на топливо, как всегда не порадовал, хотя он уже давно перестал обращать на это внимание. Цены на Руси это – то, что никогда не поддавалось здравой логике, тем более на бензин. Неподалеку от входа в стеклянный павильон заправки, его внимание привлекла группа мужчин в камуфляже, явно не армейского образца. Они что-то весело обсуждали между собой, у корейского минивена с украинскими номерами.

Он не слышал их разговор, до него долетали только обрывки фраз. По всей видимости, ополченцы, а это были именно они, оживленно обсуждали какие-то события. На их камуфляже отсутствовали знаки различия, самому младшему из них было лет тридцать, старшему не менее сорока пяти.

И если бы не военная форма и украинские номера машины, со стороны могло показаться, что компания коллег по работе или старых друзей выбралась на пикник, преодолев пробки большого города, где, что бы скоротать время в дороге, ребята уже успели откупорить по бутылке пивка и в предвкушении дальнейшего веселья, в хорошем расположении духа, пополнив свои запасы в магазинчике на заправке, собрались двигаться дальше. А пока, весело коротали время, в ожидании своего товарища, решившего заглянуть в местный туалет. И все бы было именно так, если бы все описываемые события происходили еще полгода назад, а не сейчас.

Он вставил заправочный пистолет в горловину бака машины, нажал на курок, колонка зашелестела, циферблат начал мерно отсчитывать заливаемые в бак литры бензина. Волк уже не следил за ним, а внимательно рассматривал лица ополченцев. Что-то было не так. Компания дождалась своего товарища и, рассевшись по машинам, чуть далее от минивэна стояла неприметная 31-первая Волга с московскими номерами, двинулась в путь в сторону Таганрога. На ветру затрепетали флажки Донецкой республики и России.

Закончив заправку, он сел за руль, завел машину. В салоне явственно почувствовался запах пороха. Приоткрыл передние стекла. Запах не исчез, а только стал явственней. Волк

втянул ноздрями воздух, перевел рычаг коробки в положение «drive» и медленно стал выезжать на трассу. К запаху пороха добавился еще какой-то знакомый запах. Оба они смешались в одно целое и стали не разделимы.

Ему стало невыносимо тоскливо, сердце несколько раз предательски кольнуло. Все внутри сжалось в единый нервный ком, распирающий ему грудь. Он нажал на педаль газа и включил левый поворот. Серый кроссовер выскочил на трассу, постепенно набирая скорость.

Через какое-то время колонна, состоящая из двух знакомых машин, показалась впереди, расстояние быстро сокращалось. Прошла какая-то пара минут, когда он уже мог разглядеть через пассажирское стекло, трепещущие на встречном ветру флажки, камуфляжную форму пассажиров, и тут он вспомнил этот запах, который стойко держался в салоне его автомобиля, не давая забыть о себе. Это был запах смерти.

Перемешиваясь друг с другом, эти два запаха создавали один единый – запах войны. И только тогда, когда колонна из двух странных машин, осталась далеко позади, а кроссовер свернул с трассы и в лобовом стекле явственно проступили знакомые ему голубые купола деревянной церкви, в приоткрытое водительское окно ворвался свежий осенний воздух, наполненный ароматами полей, увядающих степных трав и реки, несущей свои, не успевшие остыть, нагретые за прошедшее жаркое лето лучами южного солнца воды к морю. Запахи мирной жизни становились все сильнее, вытесняя запах войны, как будто вступив в незримую схватку друг с другом, чтобы еще раз доказать неизбежность победы жизни над смертью.

Он включил приёмник и стал слушать последние новости, все больше напоминавшие в последнее время фронтовые сводки. Машина плавно каталась по асфальту поселковой дороги, к самому центру небольшого села, расположенного в нескольких десятках километров от города.

Здесь все было по-другому. И даже церковь, которой в этом году исполнилось сто лет, то же отличалась от своих городских сестёр той скромной неброскостью, так не свойственной югу, и при этом порядком, внутренней мощью и величием, которыми были буквально пропитаны эти древние кирпичные стены. Церковный двор, вымощенный простой, но всегда до удивления чистой тротуарной плиткой, ухоженные газоны с множеством цветов, высокие сосны и ели, которые всегда встречали своих прихожан живой прохладой даже в самый жаркий летний день.

До неё оставалось совсем немного, одна-две минуты езды по деревенским улицам. Вскоре он уже парковался у церковной ограды, заглушил двигатель, посидел еще несколько минут за рулём, обдумывая то, что видел и чувствовал по дороге, вышел из машины, перекрестился, прошел через двор и, поднявшись по ступенькам, вошёл в церковный притвор...

Глава 1. Все уже было

Он стоял недалеко от алтаря, в церкви шла служба, по всей видимости, сегодня отмечался какой-то православный праздник. Какой именно Михаил не знал. Он слушал пение церковного хора. Нестройные голоса певчих, отражались от стен, взлетали под купол и падая вниз, тут же подхватывались певчими вновь. Изредка хор замолкал, уступая свое место пению священника. Народу в церкви было не много. В руке он держал несколько свечей, но так как служба была в самом разгаре, ставить их не решался, чтобы не мешать своему другу священнику и не отвлекать прихожан. Да он и никуда не спешил. Михаил любил вырываться за город в будний день. Справившись с делами, приезжал в этот старый сельский храм, в котором в это время почти не бывало прихожан, проходил в пустую церковь, ставил свечи, просил, каялся, молился в абсолютной тишине, нарушаемой лишь тихим потрескиванием горящих свечей.

Так он пытался остаться один на один с Богом – той высшей духовной силой, в присутствии которой он уже давно не сомневался и своими мыслями, что бы наконец-то прийти к пониманию смысла собственной жизни, осознать себя в этом мире, отделить доброе от злого и в который раз попытаться определить для себя, кто или что он такое есть, и для чего это нужно.

А подумать было над чем. Последние три года его жизни, были настолько насыщены невероятными, с точки зрения здравого смысла и рассудка событиями, что дать им объяснение было просто необходимо. Все эти три года он твердо шел к поставленной самому себе, некоторой высшей и как ему казалось духовной цели. На этом пути его не раз пытались сломать и не пустить дальше. Кто и зачем, оставалось только догадываться. Каждый шаг давался с невероятным трудом. Сначала его оставили практически без средств к существованию и заработка, затем тяжелейшая авария, где он чудом не погиб сам и не потерял любимого человека, венчание, когда он, скрипя зубами, двигался по этой же церкви на костыле, стараясь перенести тяжесть тела с раздробленной в коленном суставе левой ноги на здоровую правую.

Потом внезапная потеря зрения. Он почти ослеп на левый глаз и именно в тот момент, когда заканчивая первую часть своего романа, описывал душевные муки, потерявшего зрение князя киевского Владимира Святославича. Приговор врачей был суров. Вероятность восстановления зрения – один процент. Слишком поздно обратился за помощью. Не через двенадцать, а через сорок восемь часов. Тогда спасло лишь чудо. Это чудо произошло в этой же церкви. Узнав о его беде, его друг Георгий, в тот же день провел обряд соборования.

Зрение восстановилось, практически полностью. Все остальное по сравнению с этим, можно считать мелочами, о которых и не стоило вспоминать. Больше всего в это время он боялся за здоровье и жизнь своих близких, потому что понимал, что эти все те, кто ему дорог, находятся в не меньшей опасности, чем он сам. Особенно сильно Михаил переживал за жену. Её душе приходилось преодолевать те же испытания, что и ему. Это была страшная ломка. Ломка собственной гордыни, вечные противоречия и сомнения.

Жизнь распорядился так, что последние годы они постоянно были рядом. И каждому из них досталось по полной. Но они вместе держали удар, потому, как знали ради чего, а точнее ради кого это делают. В тот день, когда они узнали, что Марина ждет ребенка – были безмерно счастливы. Два долгих года они ждали этого момента. Все остальное в этом мире просто отошло на второй план. Еще задолго до ее беременности они знали, что должна родиться девочка и знали ее имя.

Они верили и не верили своему счастью. Вместе заботились о малыше. Каждый день беременности жены и уже после рождения дочери, Михаил боялся за жизнь и здоровье Марины и ребенка. Он превратился в ценного пса, который лежа на пороге их жилища заступил на его охрану темной ночной порой. Он знал, что сейчас жена и дочь слабы и особенно беззащитны,

а потому ждал удара, в это самое больное и слабое место. Он готов был закрыть их собой от всех невзгод и болезней, чтобы ребёнок успел подрасти и встать на ноги. Лишь только хватило бы сил и отпущенных ему свыше дней жизни.

Когда он находил время писать, даже для него оставалось полнейшей загадкой. Но роман складывался строка за строкой и в конце лета он закончил его последнюю – третью часть. Иногда ему казалось, что вместе с окончанием романа, закончиться и его жизнь. Ведь он рассказал все, что должен был рассказать, что еще нужно? Но первые шаги, сделанные дочкой и ее первые слова, накрепко привязали его к этому миру. Или время еще не пришло. Кто знает? Вот и сейчас он приехал к своему другу, не только отстоять службу, а за тем пообщаться по душам. Он привез ему распечатанную рукопись, для прочтения. Найдёт ли он для этого время? Ну даже если не найдет, роман все равно останется у него, когда-нибудь дойдут руки. Только здесь в храме он начинал понимать, зачем ему так нужно было отдать ее именно ему.

Возможно рукопись это – ключ. Ключ к человеческой памяти, памяти о том, что когда-то уже было. С нами или нет? Одному богу известно, что вспомнит его друг священник. Эта память о прошлом просыпалась не сразу. Для этого нужен был толчок – экстремальная ситуация в которой в минуты крайней опасности восприятие реальности и работа всех органов чувств и головного мозга человека обостряются до предела. Тогда просыпается память. Или ключ, который, как ключ от сейфа отпирает секретный механизм и дает доступ к тем архивам памяти о прошлом, которые были заблокированы, в тот момент, как только человек осознал себя в этом мире. В общем-то все так же логично, как и в то же время абсурдно.

А иначе как объяснить, что пришедшие в Славянск вместе с человеком, помнящим свое прошлое, под псевдонимом Стрелков полсотни бойцов, вооруженных лишь легким стрелковым оружием, несколько месяцев с успехом держали оборону, против всей украинской армии и нескольких батальонов наемников. А затем, нанеся укропам ощутимый урон, вышли из окружения практически без потерь, но уже целым полком и на бронетехнике, захваченной у врага. Вот это фантастика? То, что и в кошмарном сне не присниться любому военному стратегу.

Война способствовала пробуждению памяти. Подобное притягивает подобное. Стрелковцы начали, а укропы Градами, Смерчами, штурмовой авиацией помогли народу вспомнить о великом прошлом Руси, о ее божественном предназначении. Недаром почти каждый ополченец, воюющий на Луганщине и Донбассе – верующий. Сражаются за Веру за Святую Русь, против фашистов, а уж потом за язык, против олигархов и тому подобное...

От этих мыслей его оторвала наступившая в церкви тишина. Михаил огляделся вокруг себя. Служба закончилась, народ разошелся, а он так и остался стоять на своем месте, сжимая церковные свечи, почти расплавившиеся от тепла его руки. Из царских врат, вышел его друг, он подождал пока Михаил справится со свечами, расставляя их перед иконами, а уж за тем они вместе вышли во двор, за церковную ограду.

Там он и передал ему синюю папку, в обычном полиэтиленовом пакете. Затем, поговорив еще немного о том и о сем, друзья расстались. А когда серый кроссовер, рассекая противотуманными фарами осенние сумерки, уже въезжал в город, в маленьком домике, при сельской церкви в свете настольной лампы, священник открыл папку с рукописью...

Глава 2. В гостях

Сколько было пройдено в этой жизни, и сколько ему еще осталось пройти – загадка. Тайна за семью печатями. И даже сейчас, подъезжая к своей панельной девятиэтажке, в одном из спальных районов областного мегаполиса, пробираясь через узкие дворовые улочки, заставленные припаркованными у похожих друг на друга домов машинами и пропуская, движущихся ему навстречу, таких же запоздалых водителей, он не мог отогнать от себя эти мысли.

Вот и знакомый подъезд. Время позднее, все места для парковок у тротуаров заняты. Придется заскочить на газон. Некрасиво, но выхода нет. Да и назвать газоном, этот огороженный бордюром кусок примятой и искореженной земли напротив подъездов можно было лишь условно. Поворот руля, машина без труда преодолела невысокий бордюр и остановилась.

Водитель, заглушил двигатель, выключил свет фар, но выходить не спешил. Приоткрыл дверь. По темному, ночному небу проносились облака, ветер усиливался, оставаясь преимущественно верховым, здесь внизу от него защищали многоэтажные жилые дома, выстроившиеся как бойцы в несколько шеренг на его пути.

Облака становились заметны на фоне луны, которая своим полным диском подсвечивала окрестности. Волк достал тонкую сигарету из полупустой золотистой пачки, пошарил рукой по пассажирскому сиденью, в поисках брошенной там зажигалки, и вскоре темноту салона разрезал небольшой огонек пламени, который тут же погас, превратившись в неяркую красную точку тлеющей сигареты. Этот огонек, то разгорался сильнее, то казалось, совсем затухал, в такт его затяжек, а струйки дыма, вырывались на волю через открытую водительскую дверь и подхваченные легким ветерком, растворялись в ночном воздухе.

Сам же, откинувшись на спинку сидения, он пристально наблюдал за лунным диском и проносящимися мимо него облаками. Но если кому-нибудь удалось бы хорошо присмотреться с близкого расстояния, то он бы увидел в этот вечерний час, очень странного человека, внимательно изучающего ночное светило, в полном оцепенении, глядящего на него немигающими черными глазами, неестественно огромных зрачков.

Сколько прошло времени с того момента, когда он начал осознавать себя в этом мире и снова проходить свой путь с самого начала? Бог не дает человеку памяти – памяти о прошлом. Точнее дает, но потом забирает ее, перекрывая к ней доступ. Наверное, это – правильно. Каждый проходит свой путь от начала и до конца. Имея за спиной лишь только духовный опыт – опыт, в котором сознание спит. В этом и заключается великий смысл свободы выбора, когда все наши поступки продиктованы не опытом нажитом когда-то, а точнее даже не страхом этого опыта, а велением сердца или того непонятного, что называется человеческой душой. Каждый из нас проходит этот путь раз за разом, что бы потом начать его сначала, это восхождение к недостижимой вершине духа.

Что было правильным, а что нет? Сложно понять и оценить. Все что когда-то казалось важным и необходимым, утратило свое значение практически до нуля, а то на что и внимания то особого не обращал – приобрело основной смысл и заполнило его жизнь без остатка.

Все это уже было в разных местах и в другие времена. Вот и сейчас он был где-то далеко. Память открывать очень не просто. К ней либо есть доступ, либо его нет. И другой вариант невозможен. Обрывки образов, событий перемешанные во времени и пространстве, все эти хаотически разбросанные пазлы должны сложиться в единую картинку, а картинки в хронологическую ленту.

Сегодня память опять оказывалась подчиняться. Мысли уносились в далекое детство. Кому это интересно. Начальный период разложения СССР – семидесятые года прошлого столетия. Областной южный город. Все по талонам. Продукты, которые его родители везли из московских командировок. Все одинаковые, хотя нет, не все. Он тогда считал, что люди могут

отличаться знаниями, талантами, спортивными достижениями и в этом конкурировать между собой в этой жизни. Примером служили родители, защитившие диссертации.

Жизнь вскоре убедила его, что это далеко не так. Первый раз он с этим столкнулся при выставлении оценок в аттестат зрелости по русскому языку. За несколько дней до этого по классу поползли слухи, что для того, чтобы получить пятерку, нужно «кое-что» подарить преподавателю. Что можно подарить, преподавателю русского языка и литературы? Конечно же, хорошие книги. В день выставления оценок притащил под кабинет русского языка и литературы восемь томов Белинского, взятых из домашней библиотеки, с разрешения недоумевающих родителей.

Его «щедрый дар» был, отвергнут, а пятерку по русскому он так и не получил, потому, что количество пятерок для класса было ограничено, а желающих иметь их в аттестате, по всей видимости достаточно, так что в этой конкурентной борьбе великий критик потерпел сокрушительное поражение, а мое наивное представление о справедливости в этом мире дало свою первую трещину.

Вторая значительная трещина, которая окончательно расколола этот мир для него на две части, случилась уже позже, перед, выпускными экзаменами, когда прямо на перемене, не стесняясь, к нему подошла директриса и, заглянув в глаза, спросила: «А, не претендует ли он на золотую медаль?» И получив желаемый ответ, как ни в чем не бывало, скрылась из виду, растворившись в толпе учеников и бесконечности школьных коридоров. Уже тогда он понимал, что медалей мало и что за год до выпуска они все были распределены и конечно не в соответствии со знаниями и талантами учащихся, а по степени возможности их родителей. Его – со своими реактивами, для школьного кабинета химии на нее явно не тянули. Отсутствие льгот для поступления в ВУЗ, медалисты шли тогда без экзаменов, его не пугали, а портить себе несколько последних месяцев школьной жизни – не хотелось, потому, как всем своим видом директор школы явно дала ему понять, что в противном случае веселая жизнь в этой школе до выпуска ему гарантирована.

Мир вокруг него еще не делился на бедных и богатых, страна еще счастливо доживала свой век в социалистической формации, богатство человека не измерялось денежными знаками, по крайней мере, на периферии, а количеством хрусталя и ковров в домах и квартирах.

В те времена, порой простой заведующий секцией универмага, имел большие возможности, был более вхож во многие высокие кабинеты, чем даже полковники милиции, хотя последнее, не останутся в долгу и уже через какой-то десяток лет, наверстают упущенное с лихвой.

Трупный запах социалистического общества, идеалы которого были заживо похоронены, поведением номенклатуры разного ранга, которая почему-то считала, что для нее они явно не писаны, все явственней чувствовался среди фальшивых лозунгов ноябрьско – майских демонстраций и военных парадов. Страна скатывалась в маразм, ярким показательным примером которого для него стал день похорон ее престарелого лидера.

В этот день в его школе отменили все занятия и объявили субботник, на котором после коротко сеанса трудотерапии для учеников, заключавшегося в подметании школьной территории и стрижки газонов канцелярскими ножницами, всех распустили по домам. Довольные, отменой уроков, в самом разгаре недели, ученики весело расходились, с криками ура, подбрасывая в воздух веники.

Реальность мира, который его окружал, с каждым годом все больше и больше отличалась от того, что декларировалось с высоких трибун, экранов телевизоров и газетных страниц. Компьютеров и интернета еще не было. И единственная отдушина от всеобщего вранья, когда все говорили одно, думали другое, а делали при любой первой возможности, прямо противоположное тому, что думали и говорили, были книги. Благо их было много в домашней библиотеке, а когда она была в основном перечитана, библиотеки родственников и друзей его семьи открыли для него свои двери.

Читать он начал рано. Но по настоящему, запоем и полным погружением, в первом классе, на зимних каникулах, когда он снял с книжной полки первый том Конан Дойля, и уже не смог оторваться от чтения все десять январских праздничных дней, прочитав за это время все семь томов, которые нашел в домашней библиотеке. Но, к сожалению, те миры, в которые он погружался при чтении, слишком отличались от реальной жизни. Быть не таким, как все сложно, а скрывать это от окружающих еще сложнее, тем более в детском возрасте. Он оказался в этом чужом мире, и чтобы стать для него своим, как все его сверстники дрался, ругался матом, пил в компаниях водку и курил.

И когда, начинало казаться, что это ему удастся, все становилось на свои места. Мир, как будто чувствовал присутствие чужака и снова пытался оттолкнуть его от себя. Окружающие во дворе и школе сверстники не то, что бы не любили его и сторонились, нет просто была какая-то невидимая тонкая грань между ними, которая то появлялась, то исчезала, перерастая у них в страх и беспокойство, вызывающие в конце концов, раздражение и ссоры. Взрослые, особенно учителя, вели себя по-другому. Некоторые очень любили, не по годам смышленного ученика, другие побаивались, третьи просто ненавидели, хотя даже сами себе вряд ли внятно могли объяснить природу своей ненависти.

А он шел, по своей наивной глупости, глядя огромными зрачками на этот мир, на пролом, наживая многочисленных врагов и редких друзей, не оставляя за своей спиной равнодушных.

Огонек почти истлевшей сигареты уже вплотную подбирался к фильтру, обжигая ему пальцы. Возмущенный отсутствием внимания окурков, еще пару раз вспыхнул багровым цветом и окончательно потух. Ночь окутала темнотой, дворики и многоэтажки спального района. Включились фонари уличного освещения, немного отогнав мрак от подъездов и домовых тротуаров. Лежащий рядом с ним сотовый телефон, проснулся и разрезал тишину салона автомобиля залихватской трелью входящего звонка....

Глава 3. Домой

Зарево пожаров бесновалось над Вторым Римом. Горели городские кварталы, горели портовые склады полные товаров и продовольствия. В этот вечер многим казалось, что сами небеса разверзлись, чтобы покарать ромеев за их трусость и предательство.

Городской гарнизон оказался таким же продажным, как впрочем, и большинство жителей Константинополя, погрязших в долгах у венецианских купцов и, в конце концов, продавших свою родину и веру за долговые расписки. Огнеметатели знаменитого греческого огня, который должен был испепелить флот венецианцев, ворвавшийся в бухту Золотого Рога, разбежались кто куда, как только на горизонте показались, оцетинившиеся копьями суда крестоносцев. И лишь только несколько тысяч греков из всего пятисоттысячного Константинополя еще бились на стенах, защищая уже никому не нужную цитадель.

Крестовое воинство разбрелось по беззащитному Царьграду, грабя, убивая и насилая его жителей. Сидя за огромным письменным столом, Волк наблюдал за всем происходившим в городе через большое распахнутое окно своего кабинета императорской библиотеки, главным смотрителем которой был уже не один десяток лет. Рядом с его стулом, лежала простая холщовая сумка туго набитая книгами в дорогих кожаных переплетах. Он оторвал взгляд от окна, закрыл рукопись, лежавшую перед ним на столе, и аккуратно опустил ее в сумку с книгами.

Поднялся, снял монашескую рясу, по привычке глянул на себя в стоявшее неподалеку большое зеркало. В нем отразился среднего роста пожилой человек, с густой гривой взъерошенных седых волос, совсем не похожий на немощного книжного червя, каким и должен был быть смотритель Императорской библиотеки в представлении папы Иннокентия III и десяти монахов-францисканцев, посланных им для того, что бы взять из нее то самое ценное ради чего он и собрал этот четвертый по счету крестовый поход.

Все они так и остались здесь в ее центральном зале, каждый там, где застала его смерть от его клинков. Волк не убивал безоружных. Монахи сами пришли сюда убивать. Каждый из десяти имел при себе меч. Просто добыча оказалась не из легких, вопреки всем их ожиданиям. Все закончилось всего за несколько минут. Последний, самый молодой, испустил дух на мраморной лестнице у самого выхода, так и не успев убежать от странного старика в монашеской рясе, ловко орудующего короткими кривыми мечами.

Выпускать их живыми было нельзя. За собой они бы привели подмогу, а там уже через какое-то время, во всем разобравшись, поняли, что Императорская библиотека наполовину пуста, и как знать, как далеко от бухты Золотого Рога успели уйти последние корабли, груженные древними фолиантами.

На протяжении целого месяца он вместе с монахами, прибывшими специально для этого с Афона и благословения Патриарха, тайно ночью вывозил самые ценные манускрипты на подводах в порт, где и их грузили на корабли. Спасти все было выше человеческих сил. Императорская библиотека хранила знания, накопленные за последнюю тысячу лет.

Волк обходил библиотечные залы, прощаясь с книгами, как со своими друзьями, с которыми он проводил все время, последнюю сотню лет жизни в Царьграде. На выходе, он снял заплечные ножны со спины, из которых торчали рукояти дамасских клинков, и засунул их в щель между полом и лестницей.

«Здесь их вряд ли найдут, а то, как знать, идти то через весь город, путь – не близкий. А эти клинки – ценная добыча».

Подобрал, лежащий на полу франкский меч, взвесив его в руке, что-то недовольно пробурчал себе под нос, закинул холщовую сумку с книгами за спину и, отворив массивную, обитую медью дверь, вышел в пылающий город. Он шел быстрым шагом по знакомым улицам центра Константинополя, стараясь, как можно скорее миновать этот самый опасный участок

пути до городских стен. Пройдя по ним какое-то время, на одном из перекрестков, свернул в узкий проулок.

По мере того, как Волк удалялся от центра, улицы сужались все больше и больше. Иногда для того, чтобы пройти по ним, ему приходилось переходить на бег, чтобы не быть опаленным жаром горевших строений. Ночь уже была на исходе, по редким крикам и звону оружия, доносившимся из богатых кварталов, он сделал вывод, что крестоносцы уже изрядно притомившись грабить и убивать ромеев, вдоволь напились греческого вина, отпраздновали свою победу, и теперь устраиваются на отдых во дворцах византийских императоров и домах городской знати.

Улицы продолжали сужаться, убогие дома, окружавшие его, говорили о том, что сейчас он уже находится в районе Константинопольской бедноты и городские стены где-то неподалеку. Это место, по всей видимости, первым подверглось нападению. Об этом свидетельствовали уже начавшие остывать угли сгоревших домов, и трупы, мирных жителей иногда встречающиеся ему на пути.

Грабить в этих домишках особенно было нечего, и доблестные рыцари со своими оруженосцами, в отместку за это, нещадно прошлись по ним огнем и мечом, поджигая убогие хижины вместе со спрятавшимися там жителями, убивая ради забавы и куража, мечущихся в поиске спасения от огненной смерти по узким улочкам женщин и детей.

«Варвары! Христиане убивают христиан, дожились», – подумал он про себя.

Все мог предположить воевода. Сам когда-то пророчил грекам гибель. Но что бы так бесславно... Ромеи продали и предали себя сами. Государство разворовали, торговлю отдали на откуп венецианским купцам. Армию и ту умудрились испоганить, набрав в нее место славян, как это было раньше, норманнов. Нетрудно догадаться против кого они обернули свои мечи в этой битве. Унижение своего и восхваление чужеземного. Что творится в этом мире? Властитель Первого Рима, торгует мирскими грехами, а лучшим своим развлечением считает публичное сожжение баб на кострах. Все продается и покупается. Ради нескольких древних папирусов сжечь целый город? Сволочь! Хрен ему, а не коптские евангелия! А второй, старый торгаш – венецианский дож, который думает, что может продать и купить весь мир, а потом за свои деньги получить полное отпущение грехов. Пара ненормальных латинян, один из которых возомнил себя наместником Бога на земле, а второй никак в свои преклонные годы не может унять свою пагубную страсть к наживе, решили подчинить себе весь мир.

Не выйдет. Почти сто лет прошло, как Русь стала могучим государством, пройдя на этом пути все трудности и невзгоды. И как бы там ни было, а Вера ее крепка. Так, что если следующие по их расчетам – мы, тогда милости просим. Только, как с ромеями у них точно не выйдет. Земля у нас большая, богатая, привольная и места им для могил в ней всем хватит...

А нам путь греков повторять нельзя. Отдаваемые на откуп высокие государственные и церковные посты, вконец истощили империю, превратив церковные приходы и монастыри в торговые лавки, а государственную казну – в кошелек нечистых на руку проходивцев.

От этих мыслей его оторвал, посторонний шум. Мертвые городские кварталы были беззвучны. В этой вязкой и липкой от пролитой на них человеческой крови тишине, все отчетливее слышался звук конских копыт, громяющих подковами по каменным мостовым. Судя по силе звука, всадник приближался. Первую мысль – укрыться в ближайших развалинах и переждать опасность, продиктованную ему инстинктом самосохранения, Волк отогнал от себя сразу. Он слишком зажился на этом свете. Всех тех, кого он знал и любил, давно уже не было.

Многое прошел на своем пути. Славу, изгнание и забвение. Он до конца выполнил свой долг, и Господь должен был в конце то концов дать ему шанс умереть. Мысли вихрем пронеслись в его голове, в тот момент, когда закованный в латы конный рыцарь, завидев неподвижно стоящего посреди улицы человека, в странной одежде, пришпорил своего коня, в предчув-

ствии легкой добычи. А когда его меч, в рубящем ударе, на полном скаку, должен был неминуемо раскроить голову воеводы, тот лишь сделал небольшое движение в сторону крестоносца. Удар прошел мимо. В этот момент перед его глазами промелькнул конский круп и щель между латами, заваливающегося по инерции к гриве коня всадника. Туда он и вонзил свой меч, разжал пальцы рук на рукояти, что бы конь на полном скаку не потащил его за собой.

Вытер пот со лба, рукавом посеревшей от копоти городских пожаров рубахи, поднял глаза на предрассветное небо, где солнце уже начинало пробиваться сквозь сумрак ночи и дым, поправил сбившуюся на бок холщовую суму, и даже не обернувшись в сторону поверженного врага, уносимого обезумевшим от пылающих со всех сторон пожаров, оставшимся без управления скакуном, куда – то вглубь городских развалин, сделал шаг вперед к своей цели – ставшей отчетливо видимой при дневном свете, пробитой при штурме, брешу в городской стене. И не услышал, или не захотел услышать, как где-то за его спиной, щелкнул спусковой крючок арбалета, взвизгнула туго натянутая тетива, отправляя в смертельный полет тяжелый арбалетный болт, предназначенный пробивать насквозь тяжелые рыцарские доспехи.

Резкий удар в спину отбросил его на несколько шагов вперед. Тупая боль разорвала сердце. «У каждого рыцаря есть оруженосец», – пронеслось в его голове. Дальше мысли смешались, спутались, закрутились водоворотом, а через несколько мгновений он умер и уже не увидел того, как грязные мозолистые руки, в прошлом крестьянина, из захудалого графства на юге Франции, а ныне оруженосца своего обнищавшего господина, отправившегося в крестовый поход с целью поправить пошатнувшееся финансовое положение, шарили в его сумке, в надежде обнаружить там хотя бы что-то ценное.

Но холщовая сума была пуста, набита лишь пачками никчемной, потому как исписанной бумаги, в кожаных обертках, годной лишь на растопку очага в его деревенском доме. С досады, он пнул бесполезную сумку ногой, забросил арбалет за плечо и побрел неуверенной походкой хорошо подвыпившего человека в сторону горящего города, на поиски более стоящих трофеев.

Ближе к полудню воевода Волчий Хвост был похоронен за городскими стенами, вместе с остальными убитыми в тот день и ночь тысячами жителей Константинополя. Отпевавший его перед погребением молодой монах, тот, который и обнаружил тело странного старика, и разорванный мешок, полный старинных рукописей, обратил внимание на то, что лицо его не было искажено гримасой боли и ужаса, как у многих, кого он уже успел отпеть и предать земле в этот день. Оно было умиротворено, а иногда ему казалось, что старик даже счастливо улыбался уголками бескровных губ. И лишь только потом, через несколько лет, когда он дочитал последнюю из перепачканных кровью рукописей до конца, он понял, что Волк действительно улыбался, потому, как в момент своей смерти был счастлив. Ведь он возвращался домой...

Глава 4. Осознание

Знакомая мелодия и номер, высветившийся на экране его телефона, говорили о том, что дома уже начали беспокоиться. Он прикоснулся к экрану, нажав на виртуальную клавишу «принять вызов», вышел из машины. Уже через несколько минут, старый обшарпанный лифт открывал перед ним свои двери. Тусклая лампочка осветила кнопку с номером его этажа, двери с грохотом закрылись и, лязгнув подъемным механизмом, лифт неспешно начал свое движение вверх. Все было как всегда за последние четыре года. Он возвращался домой. Сейчас достанет ключи, откроет дверь в тамбур и войдет в их маленькую уютную двухкомнатную квартирку, в которой его ждут жена и маленькая дочь. Дверь за ним закроется, и они останутся на это короткое мгновение в их жизни под названием вечер и ночь, до самого утра, в их особенном и теплом мире, кусочек которого он возьмет завтра с собой в дорогу. Лифт неспешно двигался вверх. Поездка до его этажа – не больше минуты, но в этот раз она затянулось на десять лет его жизни. Время просто остановилось, или он остановился во времени. Стальные тросы все так же скользили по блокам, поднимая кабину лифта вверх, когда память уносила его куда-то в недалекое прошлое.

Страна разрывалась на лоскуты, растаскиваемые по своим удельным нормам жадными, дорвавшимися до власти и денег крысами, которые под радостное завывание о мифической свободе и своей удельной независимости, набивали карманы зелеными бумажками с изображениями заморских президентов, в обмен на полную индульгенцию на разграбление природных богатств и полное уничтожение всего того, что создавалось до них веками, пережило смуты, революции, войны и всегда считалось национальным достоянием и основой могущества Русского государства – независимую экономику, армию и флот. Истинное его богатство – народ в расчет принимался только в самые темные, тяжелые для России времена, когда и рассчитывать было больше не на кого и не на что. Когда все катилось в тартарары и казалось, что – все, конец, дальше темнота и небытие.

Так было в Отечественную войну 1812 года, так было и в Великую отечественную войну 1941—1945 годов. Иначе как объяснить, что великий французский полководец Наполеон Бонапарт, и расчетливый немец Адольф Гитлер, завоевавшие почти всю Европу, могли рассчитывать на молниеносный блицкриг в России. Это что – глупость? Но на дураков ни один не другой явно не были похожи. Тогда что? Где был заложен, тот просчет, а точнее тот неправильный расчет, который и погубил в конечном итоге две великие европейские армии, и не позволил Западу исполнить свою заветную мечту – покорить и уничтожить Россию.

Могло ли уложиться, в талантливой европейской голове французского полководца-императора, что простой народ в стране с феодальным крепостническим укладом, находившийся на положении бесправных рабов, хозяева которых французский считали своим вторым родным языком, поднимется на защиту своей страны и в ярости беспощадной партизанской войны, поднимет на вилы хваленую французскую армию, будет бесстрашно сражаться и умирать за свое Отечество при Бородино.

Так же просчитались и немцы, совершив ту же ошибку повторно, сделав ставку на то, что люди, разделенные гражданской войной, пережившие голодомор, геноцид и репрессии не станут защищать угнетающий их режим. И в первом и во втором случае их расчеты не оправдались. Многие пытаются списать все на суровые русские зимы. Мол, не выдержали их изнеженные европейцы, потому и проиграли войну. Да не собирались они зимовать в окопах и бивуаках. Не было таких расчетов вообще, даже в самом плохом варианте развития событий, потому как не ожидали встретить они насколько-нибудь серьезного, а тем более всенародного сопротивления и не были к нему готовы. Не поняли тогда, да и не могут понять до сих пор, той великой мощи, скрытой в сознании каждого русского человека – памяти о великом прошлом,

ответственности за будущее, которая включается лишь на краю бездны во время безусловной угрозы. И в этот момент все мы – русские обращаемся к той Великой Божественной силе которая и есть истинная основа нашего государства и тогда «двое становятся одним и горы сдвигаются», народ встает на защиту, того что неизбежно и имеет великий сакральный смысл. При этом уже не важны самодержцы и прочие руководители. Они как бы присутствуют, но отходят на второй план, попав в мощнейший поток народного сознания, устремленный к единой цели – сохранению Родины. У них не остается иного выхода, как только следовать в его русле, добросовестно выполняя свои функции.

Потом, после того, как цель достигнута, и угроза миновала, они выходят из тени, что бы либо разделить с победителями плоды этой победы, либо присвоить ее себе, хотя это по большому счету уже и не важно. Великое свершено. Русь в который раз выходит победительницей из великих испытаний, выпавших на ее долю, сохранив, преумножив и укрепив себя, ценой миллионов жизней своих соотечественников, безумной, нереальной для понимания «цивилизованного мира» – ценой, всенародного самопожертвования.

Единственный вопрос, на который он так и не смог найти ответа. Почему, что бы включилось, это Великое и Божественное нужно подойти к самому краю пропасти и буквально зависнуть над ней балансируя между жизнью и смертью? Возможно, ответ прост, хотя судить мог только по себе, но кажется, каждый русский человек приходит к Богу лишь в самые тяжелые минуты, что бы умереть с ним или остаться жить дальше. Когда и надеяться не на что и идти больше некуда. Другого объяснения просто нет. Память просыпается лишь так. Не в наших силах это изменить, но в нашей воле больше не забывать...

Мы те, кто обречены на бессмертие и не можем даже покончить с собой по собственной глупости и малодушию, потому как если первого иногда и в избытке, то второго от нас никому не дожидаться. Мы те, кто постоянно по какой-то непостижимой исторической случайности становимся на грани добра и зла, и начисто отбросив присущее людям, чувство самосохранения вступают в бескомпромиссную и непримиримую борьбу с последним.

Мы вечно недовольны своей судьбой и руководством, причем, до такой степени, что готовы за какую-то сотню лет, а иногда и того меньше, проскочить через несколько общественно-политических и экономических формаций, для того чтобы понять, что ни одна из них нам не подходит и мучительно и болезненно пытаться вернуться к старому укладу жизни, слава Богу хотя бы на новом витке своего развития.

Биться за демократию на баррикадах, ложиться под гусеницы танков и колеса БМП, что бы потом всенародно забить на нее и на протяжении почти двадцати лет выбирать из того, что тебе предложат, не пытаясь даже что-то поменять это – по нашему. И в этом, как ни странно есть смысл. Потому что где-то глубоко внутри мы осознаем, что все, что имеем, в том числе и руководство мы сами и есть. Ни хуже, ни лучше, а именно такие как мы. И нам становиться жаль их где-то глубоко в душе, потому что находясь яко бы на некоторой высоте и, поглядывая на всех остальных сверху вниз, они даже и не подозревают, что куражится народ, иногда даже просто позволяя открыто издеваться над самим собой, лишь только для того что бы в определенный момент включилась память о прошлом, и что поиск крайних в России еще ни кто и не когда не отменял.

А тут-то особо и искать не придется. Ребята, те, кто там, на верху, или совсем сверху, очнитесь вы не на вершине, а в самом низу, ибо в России даже пирамиды стоят вопреки всем законам природы опираясь на свою верхушку. Поэтому то блоки у ее вершины часто перетасовываются в попытке укрепить пошатнувшееся в какой – то миг равновесие, а власть на Руси так же важна, как в то же время ничтожна по своей природе и не даром всегда называлась «бременем». А потому иногда ваши попытки плюнуть с вершины этой пирамиды на ее основание вызывают лишь смех и недоумение, и вообще, господа, почаще заглядывайте в Евангелие,

там, где про первых и последних черным по белому и прямо в лоб. Это – наш случай, в России он работает из покон веков....

Резкий толчок остановившейся на его этаже кабины лифта, оторвал его от странных мыслей. Давно вынутые из кармана брюк ключи сиротливо звякнули на связке. Металлическая дверь тамбура с лязгом открылась, пропуская домой. Щелкнув выключателем, он вставил ключи в личинку замка и закрыл за собой дверь....

Глава 5. Возвращение в Херсонес

Три греческих торговых корабля вошли в бухту Херсонеса в начале сентября 1019 года. С берега было видно, что гонимые свежим южным морским бризом суда, в какое-то мгновение остановились, а затем, совершив маневр, развернулись по ветру и бросили якоря. Паруса дормонов были приспущены, на их палубах суежилась команда. От одного из них отделилась небольшая лодка с четырьмя гребцами и, преодолевая прибрежные течения, направилась к берегу. За рулем на ее корме сидел уже не молодой воин, в легкой кольчуге, поблескивающей в лучах заходящего, но еще по-летнему теплого южного солнца. На его коленях лежал выдававший виды островерхий шлем, к макушке которого был приторочен волчий хвост. Дувший ему в спину теплый морской ветер, настойчиво пытался разворошить изрядно тронутую сединой густую гриву русых волос.

Вскоре лодка миновала стоявшие у причалов большие морские суда и ткнулась носом в песчаную отмель. Двое дюжих гребцов сойдя в воду, волоком дотащили ее до берега по мелководью. Волк, перешагивая через деревянные лавки, с трудом удерживая равновесие в качающейся на воде лодке, сошел на песчаный берег. Невдалеке на невысоком, поросшем пожелтевшей под палящими лучами летнего солнца травой пригорке его уже поджидали двое солдат береговой охраны.

– Это, похоже, по наши души, – обратился воевода к гребцам, поудобнее устраивая в правой руке шлем, и кивком головы указывая на солдат береговой охраны. – Условный сигнал помните? Шлем на голове – уходите не медля. Шлем в руках – корабли могут причаливать к берегу. Меня не ждите. Если все пойдет, как задумано, тогда до встречи в порту. Ну а если нет – мне вы уже ничем помочь не сможете, – с этими словами он быстрым шагом двинулся к ожидающим его солдатам. Перекинувшись с ними парой фраз, он двинулся в их окружении к портовым постройкам. Они прошли вдоль знакомой ему гранитной портовой набережной, за несколько десятков лет здесь мало что изменилось, только кораблей стоящих у причала поубавилось. Торговля в Херсонесе переживала свои явно не лучшие времена. Поднявшись к портовым постройкам по ступеням лестницы из желтого мягкого камня, откуда открывался вид на всю бухту,

Волк на минуту остановился и пристально взгляделся в синюю даль моря. И толи ему показалось, а может быть, это было именно так, в этот момент ему удалось разглядеть на палубе одного из кораблей, замерших на портовом рейде в ожидании решения своей участи, фигуру женщины, стоящей у мачты и пристально вглядывающейся в очертания знакомого ей с детства берега...

Глава 6. Неожиданная встреча

В тесной неуютной комнате за грубо сколоченным, столом сидели два человека. Один из них молодой, в полной боевой амуниции, явно начальник портового караула, солдаты которого и встречали Волка при высадке, второй – постарше, тучный грек в похожем на монашеское одеянии, что-то записывал в выдавшуюся книгу с промасленными страницами и затертым переплете из грубой кожи. Работы у портовой стражи было, по всей видимости, не много и, появление чужих кораблей на рейде стало событием для дежурного офицера караула и сборщика податей, коим и являлся тучный грек, одетый в коричневую монашескую хламиду.

Оба оторвавшись от своих занятий, оценивающе рассматривали Волка. Затем, видимо не усмотрев в безоружном варяге ничего подозрительного, офицер, отвел взгляд, а сборщик портовых податей заученно и монотонно стал рассказывать воеводе порядок и правила захода в порт купеческих судов. Голос его оживился лишь только тогда, когда он стал оглашать стоимость швартовки и посуточного нахождения кораблей в порту Херсонеса. По бегающим глазам чиновника, Волк сразу понял, что к положенной к уплате сумме он уже успел приплюсовать и свой интерес.

«Ничего не меняется у ромеев», – подумал он про себя Волк.

Закончив перечень необходимых к уплате податей и сборов, грек вопросительно глянул на военного. Тот, оторвавшись от своих мыслей, согласно кивнул головой и, посмотрев в сторону чужеземца, добавил:

«Согласно порядка и правил приема торговых судов они должны быть досмотрены после швартовки незамедлительно».

Такой расклад Михаила явно не устраивал. Трудно было и представить, что начнется в порту, да и в самой Корсуни, когда при осмотре его кораблей стражники обнаружат в их трюмах горы золота. Этого допустить было нельзя.

Ни один мускул, не дрогнул на лице воеводы, когда он достал из-за пояса мешочек с золотыми монетами, нарочито продемонстрировав его содержимое присутствующим, отсчитал положенную для уплаты сумму, а все остальное оставил на столе и спросил, тщательно подбирая слова:

«Считаю, что некоторых ничего не значащих формальностей, в виде досмотра кораблей мы могли бы и избежать?».

Ответа ему и не требовалось, достаточно было увидеть, как чиновник вмиг сгреб со стола мешочек с золотом и довольное лицо начальника караула, по которому можно было определить, что его жизнь на сегодня полностью удалась.

Волк спешно покинул помещение, предоставив оставшимся в нем делить между собой честно заработанную мзду, прикрыл за собой массивную, но уже разохшуюся от солнца и морской воды дубовую дверь, глубоко выдохнул и, повернувшись в сторону моря, сделал несколько призывных взмахов рукой. Через какое-то время на дормонах, стоявших на рейде, затрепетали разноцветные паруса и подхваченные южным ветром они двинулись к портовым причалам.

Не успел еще Михаил спуститься на несколько ступеней вниз к морю, как по мощеной камнем набережной застучали копыта лошадей, и вскоре трое ромейских всадников спешившись на набережной, поднимались по лестнице вверх, направляясь к портовой конторе.

«Этого еще не хватало, – пронеслось в голове воеводы, – по всей видимости, пожаловало высокое начальство. То ли деньги делить, что вряд ли, то ли проверять службу портового караула. Изменить ничего нельзя, дормоны уже швартуются у причалов».

Он продолжал спускаться вниз навстречу всадникам и когда уже поравнялся и встретился глазами с первым из них, нехорошее предчувствие кольнуло воеводу. Посторонившись, пропуская процессию на узкой лестнице, Волк очутился лицом к лицу с одним из них. Его

экипировка подтвердила его худшие подозрения. В порт пожаловал действительно большой начальник, возможно даже сам стратиг Херсонеса, рассмотреть которого внимательно воеводе не удалось, военоначальник спешно миновал встретившегося на его пути воеводу и вошел в портовую контору. По своему облачению, доспехам и оружию он отличался от сопровождающих его тагматов*, лишь более дорогим позолоченным шлемом макушку которого венчал конский хвост, выкрашенный в пурпурный цвет. Один из сопровождающих стратига кавалеристов, пожилой повидавший многое на своем боевом веку, дослужившийся до кентарха, переживший многие имперские войны и чудом выживший вместе со своим центурионом в том бесславном бою под стенами Херсонеса, грек пристально вглядывался в лицо Волка, затем перевел взгляд на его шлем. Глаза ромея недобро сверкнули, рука потянулась к мечу. Он признал в этом немолодом уже воине воеводу варварского кагана Владимира, варяга по происхождению, одного из главных действующих лиц при взятии Херсонеса варварами много лет назад.

«Расправиться с двумя даже опытными всадниками кавалерийской тагмы, облаченными в тяжелые доспехи в узком лестничном проходе для Волка не составило бы особого труда, парасирийских клинков всегда наготове в заплочных кожаных ножнах. Но что дальше? Его корабли уже бросили сходни в греческом порту. Завяжется бой. К сотне ромейского караула подойдет подкрепление из города, а уйти обратно в море им не успеть. Дормоны тяжелы и неповоротливы. И тогда верная гибель всем. Нет, пусть мечи побудут пока в своих ножнах, а там видно будет». – Так думал Волк, следуя под конвоем византийского кентарха обратно к портовой конторе. У входа они и остановились. За дверью слышался грозный мужской голос, распекающий подчиненных за леность и мздоимство. Вскоре из портовой конторы, вылетел испуганный чиновник и быстрыми шагами затрусил в сторону города. Воспользовавшись коротким затишьем, кентарх вошел в помещение с докладом. Через некоторое время Волк уже сидел за столом напротив стратига Херсонеса Иоанна Склира...

Глава 6. Стратиг Херсонеса

Может быть мы и никогда не узнали о этом периоде истории древнего Херсонеса и его стратиге Иоанне Склире, если бы судьба не вернула Волка и его семью снова в этот греческий город на побережье Черного или как его называли тогда Понтийского моря, одной из дальних колоний Византийской империи, долгое время играющей важную роль в торговых отношениях между Западом и Востоком, будучи воротами на торговом пути из варяг в греки. Иоанн Склир был одним из потомков древнего византийского рода Склиров, попавшего в немилость императоров после подавления восстания под предводительством его дальнего родственника Варды Склира. В связи с этим обстоятельством и был отправлен подальше от императорского двора в качестве всего лишь центуриона, не смотря на его происхождение и заслуги перед империей, для усиления гарнизона в одну из самых отдаленных и беспокойных провинций – Херсонес, под начало и по просьбе стратига Андроника Калокира.

Стоило бы упомянуть и о том, что Калокир в свое время так же впавший в императорскую немилость по тем же причинам, давно был знаком с Иоанном и еще до их знакомства наслышан о подвигах и доблести последнего, проявленных им в болгарских походах и при отражении вторжения сарацин на южные границы империи. После неудачной вылазки в августе 988 года и падении Херсонеса, после почти полугодовой осады крепости киевским князем Владимиром Святославичем, смерти от его руки самого Калокира и его жены, следы Иоанна Склира надолго затерялись, да и вряд ли кто-нибудь думал уже увидеть его живым. Доблестного центуриона списали со счетов в Константинопольских дворцах и оплакали в родовых имениях Македонии, тем более, что семьи у воина не было, потомства то же. Родовое наследство – несколько принадлежащих ему поместий, были переписаны на его ближайших родственников.

Так, что возвратившемуся в Константинополь чудом спасшемуся при осаде Херсонеса центуриону мало кто был рад, как в императорском окружении, так и среди многочисленной родни. Как говорить-ся уходя, уходи, а если уж удосужился вернуться, тогда все равно уходи.

Так случилось и с Иоанном. Хотя правду говорят, нет худа без добра. Вновь набирающие силу, при дворце Склиры, приложили все усилия, что бы их так не вовремя воскресший родственник был ласково принят ближайшим окружением правящих базилевсов Василия и Константина. И вскоре еще недавно опальный центурион, был назначен начальником одной из элитных кавалерийских тагм Византии. Не прошло и нескольких месяцев в новой должности, как Иоанну было вручена бумага, за подписью самого Василия II, из которой следовало, что соизволением базилевса он назначался стратигом в Херсонес. Как так получилось, что опальный центурион так быстро взлетел по ступеням служебной имперской лестницы, для самого Иоанна оставалось загадкой. Не привыкший, по военному, обсуждать приказы новоиспеченный стратиг стал собираться в дорогу. Пожелавшим разделить с ним его судьбу, на службе в далекой имперской провинции нескольким всадникам его тагмы отказано не было. Их быстро рассчитали и уволили из дворцового полка. Так что уже в скорее византийский боевой дормон расправив свои паруса, скользил по водам Понта, унося Ионна Склира и его товарищей по оружию в новую жизнь и к воспоминаниям о прошлом...

Глава 7. Лицом к лицу

...И вот сейчас перед стратигом сидел невольный виновник всех его бед и злоключений за последние несколько лет. Первым его желанием было стереть в порошок ненавистного ему варвара, стараниями которого жизнь обошлась с ним, так несправедливо отобрав друга, семью, которую он уже начинал считать своей, девушку в которую он был в тайне влюблен и лишь то обстоятельство что ее отцом был его друг и начальник, удерживало тогда от признаний и проявления чувств. А зря, если бы не его нерешительность, то возможно и жизнь сложилась бы совсем иначе.

И он бы не оказался сейчас здесь опять, хоть и в качестве стратига, но в забытой богом имперской провинции, во времена упадка торговли северными странами, когда цвета полоньевских бунчуков уже можно различить с высоты крепостных стен Херсонеса. К слову сказать, управление провинцией стратиг принял действительно не в лучшие времена, да и само вверенное ему хозяйство было в плачевном состоянии.

Взяточничество и воровство – болезнь всех империй отягощенных раздутым до неприличия чиновничьим сословьем. Не избежала ее и Византия. Но то, что эта болезнь может быть так запущена Иоанн не мог себе даже представить. Несколько десятков лет назад при Калокире то же не все было гладко, но что бы так: хозяйство в полном запустении, городские улицы не ремонтировались уже лет пять, ступени повыбиты, везде грязь и нечистоты. Запасов на случай осады крепости, новый стратиг проведя инспекцию по городским складам, не обнаружил. Все было давно разворовано и продано. В кладовых вместо зерна вольготно гуляли жирные крысы. Жалование гарнизону не выплачивалось три последних месяца, хотя деньги на это из казны, что следовало из предоставленных ему в отчете бумаг, отпускались исправно. Городские стены и ворота не укреплялись. Всадники сами содержали себя и лошадей, каким образом, одному богу известно.

Угрюмые от безденежья и безысходности центурионы, уже не могли поддерживать даже самую элементарную воинскую дисциплину. поголовно пьяный гарнизонный караул на городских стенах, вот что получил в наследство новый стратиг по прибытию в Херсонес. В случае осады крепости она бы не простояла и дня. Гарнизон просто бы разбежался или открывал ворота осаждающим, вместе с жителями города, уставшими жить под непосильным гнетом и постоянными поборами чиновников от имперской власти. В первые дни его правления к новому стратигу потянулись жалобщики. С их слов положения города и всей провинции оказалось еще более плачевно, чем ему показалось на первый взгляд. Жаловались все и духовенство и купцы, и даже некоторые чиновники, совесть которых не была еще окончательно продана и пропитана, потому, как понимали, что все зашло слишком далеко.

Единственное, что в Херсонесе исполнялось безукоризненно и в срок – это уплата ежемесячных податей базилевсам и как потом понял стратиг, не только им одним. Положенная сумма исправно, каждую последнюю неделю месяца, отправлялись в имперскую казну под конвоем на нескольких судах, а часть собранного сверх того, везлась на тех же кораблях, для передачи имперским чиновникам в самом Константинополе, чем и покупалась полная безнаказанность местного стратига и близких к нему чиновников за их оголтелое воровство и мздоимство.

И каково же было его удивление, когда в то же время начальник портовой службы принес к нему в дом несколько кошельков буквально набитых золотыми монетами и без всякого стеснения объяснил Иоанну, что это его доля. «Раньше деньги забирал прежний стратиг, но так как тот покинул пределы провинции, так и не дождавшись ежемесячного дележа, его доля должна причитаться новому».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.